

В. Н. ЗАХАРОВ

Синдром Достоевского

У каждого великого писателя есть восторженные поклонники и неистовые хулители. Пожалуй, нет ни одного писателя с безупречной художественной репутацией — у каждого найдется свой Зоил, и не один. Конечно, различны причины, почему Зоил хулил Гомера, почему Вольтер и Лев Толстой отказывали в гениальности Шекспиру, почему Писарев хотел низвергнуть Пушкина, а Маяковский до некоторых пор не жаловал Пушкина и «прочих генералов классики»: в 1912 году в числе других футуристов он предлагал «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности»*, в годы гражданской войны подстрекательски вопрошал в стихотворении «Радоваться рано»: «А почему не атакован Пушкин?»** — лишь через шесть лет сменив революционный гнев на фамильярную милость («Юбилейное» («Александр Сергеевич, разрешите представиться. Маяковский...», 1924))***. За этими и подобными суждениями очевидны личные пристрастия, политические и поэтические амбиции, но более всего — банальное непонимание и эстетическая ограниченность критиков.

В том, что кому-то не нравится Достоевский, нет ничего удивительного и необычного — проблема в другом, как выражают свое неприятие Достоевского иные знаменитости: их реакция на творчество Достоевского столь болезненна, что впору воспользоваться медицинским термином и ввести в литературоведческий обиход такое понятие, как «синдром Достоевского», хотя, к слову сказать, сам Достоевский этой неизвестной в медицине болезнью не страдал.

* Пощечина общественному вкусу. М., 1912. С. 3.

** *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1956. Т. 2. С. 16.

*** Там же. М., 1957. Т. 6. С. 47–56.

Первые симптомы этого синдрома возникли уже в 60-е годы XIX века, и первым почувствовал признаки этой неведомой болезни не кто иной, как чуткий Иван Сергеевич Тургенев, который с середины 60-х годов подчас выражал свое восприятие творчества Достоевского в патологических ощущениях. По поводу первой части «Преступления и наказания» Тургенев писал 25 марта / 6 апреля 1866 года, что в ее окончании «много ерунды пролилось, и опять сильно понесло тухлятиной и кислятиной больничного настроения» (в письме к П. В. Анненкову)*, «опять отдает прелым самоковыряньем» (в письме к А. А. Фету того же дня)**. Закончилось же чтение романа тем, что в конце концов Тургенев, по его словам, «отказался читать: это что-то вроде продолжительной колики — в холерное время помилуй Бог!» (о чем он уведомил И. П. Борисова 30 сентября 1866 года)***. Роман «Подросток» был удостоен такой оценки в письме М. Е. Салтыкову-Щедрину от 25 ноября / 7 декабря 1875 г.: «хаос: Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому не нужное бормотанье, и психологическое ковыряние!!»****

По воспоминаниям С. Л. Толстого, летом 1881 года Тургенев так объяснял свое отношение к Достоевскому и его героям: «Знаете, что такое обратное общее место? Когда человек влюблен, у него бьется сердце, когда он сердится, он краснеет и т. д. Это все общие места. А у Достоевского все делается наоборот. Например, человек встретил льва. Что он сделает? Он, естественно, побледнеет и постарается убежать или скрыться. Во всяком простом рассказе, у Жюль Верна, например, так и будет сказано. А Достоевский скажет наоборот: человек покраснел и остался на месте. Это будет обратное общее место. Это дешевое средство прослыть оригинальным писателем. А затем у Достоевского через каждые две страницы его герои — в бреду, в лихорадке. Ведь этого не бывает»*****.

Наиболее резко эта антипатия к Достоевскому выражена в письме М. Е. Салтыкову-Щедрину от 24 сентября / 6 октября 1882 г. под впечатлением статьи Н. К. Михайловского «Жестокий талант»^{6*}, который, по словам Тургенева, «верно подметил основную черту его творчества.

* Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 28 т. Письма: в 13 т. М.; Л., 1963. Т. VI. С. 64.

** Там же. С. 66.

*** Там же. С. 109.

**** Там же. Т. XI. С. 164.

***** Толстой С. Л. Очерки былого. М., 1956. С. 315–316.

^{6*} Михайловский Н. К. Жестокий талант // Отечественные записки. 1882. Т. ССLIX. № 9. Сентябрь. С. 81–123; Т. ССLIX. № 210. Октябрь. С. 249–274. Далее текст статьи цитирую по современному изданию: Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М.: ГИХЛ, 1957.

Он мог вспомнить, что и во французской литературе было схожее явление — а именно пресловутый маркиз де Сад»*. Тургенев не ограничился сопоставлением — через несколько строк он прямо называет Достоевского «этим нашим де Садам»**.

Своих суждений о Достоевском Тургенев не печатал, но и не скрывал, высказывая их в письмах и частных беседах. И вряд ли случайно, что позже его оценки и фразы аукнутся (или просто совпадут) в упреках либеральной и радикальной критики 70–80-х годов, в печально известном клеветническом письме Н. Н. Страхова Л. Толстому от 28 ноября 1883 года, в статьях и выступлениях М. Горького против Достоевского и т.д. Тогда же, в 70-е годы, «эстетическая» нелюбовь к Достоевскому приобрела у иных критиков устойчивую политическую окраску. Именно в это время возникла потребность пересмотра «партийных» оценок творчества Достоевского, и это было вызвано общественной позицией писателя: публикацией «антиреволюционного» романа «Бесы», редактированием «реакционной» газеты-журнала «Гражданин», изданием «Дневника писателя».

Под сомнение были поставлены оценки Белинского и Добролюбова, для которых Достоевский был «гуманным» талантом, а содержание его творчества определяла «гуманная мысль»***, «боль о человеке»****. Н. К. Михайловский заменил формулу Белинского-Добролюбова на новую — «жестокый талант», упрекая Достоевского вроде бы в «ненужной жестокости» и излишнем мучительстве над своими страдающими героями, но в конечном счете — в отсутствии у Достоевского «определенного общественного идеала»*****. А один из бывших нечаевцев — литературный критик и публицист П. Н. Ткачев дал свою оценку героев писателя: Достоевский назвал своих героев «Бедными людьми», «Униженными и оскорбленными», Добролюбов — «Забитыми людьми», Ткачев — «Больными людьми» (и это заглавие статьи о «Бесах»!)^{6*}. Такой подход к творчеству Достоевского находил поддержку от самых неожиданных союзников: ныне забытый беллетрист-«барчук» Е. Марков в 1876 г.

* Тургенев И. С. Письма: в 13 т. М.; Л., 1967. Т. 13². С. 49.

** Там же.

*** Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. IX. С. 550–564.

**** Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1963. Т. 7. С. 242. Первоначально: Н.-бов [Н. А. Добролюбов] Забитые люди (Сочинения Ф. М. Достоевского. Два тома. — Униженные и Оскорбленные, роман в 4-х частях, Ф. М. Достоевского) // Современник. Т. LXXXIX. № IX. Сентябрь. С. 99–149.

***** Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С. 185–187.

^{6*} П. Н. <П. Н. Ткачев> Больные люди. («Бесы», роман Федора Достоевского. В трех частях. СПб., 1873) // Дело. 1873. Март. № 3. С. 151–179. Апрель. № 4. С. 392–393.

опубликовал критическую статью «Романист-психиатр»^{*}, а психиатр В. Чиж, автор брошюры «Достоевский как психопатолог», поместил в свой воображаемый сумасшедший дом почти всех сколько-нибудь заметных героев романов Достоевского^{**}. Эти ученые «благоглупости» были бы анекдотичны, если бы не навязчивое желание психиатра видеть в отступлении от ординарности психическое заболевание.

Либеральная и революционная интеллигенция не жаловала Достоевского. Достаточно было упрекнуть писателя в ренегатстве (революционер, ставший монархистом), назвать его мистиком и проповедником православия, автором антиреволюционных «Бесов», чтобы политическая репутация реакционера затмила для многих художественное значение творчества Достоевского. Этот обвинительный вердикт время от времени дополнялся, но в своей политической определенности он оставался неизменным.

Д. С. Мережковский пронизательно нарек Достоевского «Пророком русской революции», и эта емкая формула стала заглавием его известной статьи^{***}. Правда, как бы предвосхищая софизмы другой статьи о другом великом русском писателе («Лев Толстой, как зеркало русской революции»), опубликованной анонимно в большевистской газете «Пролетарий» (1908, 11/24 сентября, № 35)^{****}, Мережковский уточнял: «Достоевский — пророк русской революции. Но как это часто бывает с пророками, от него был скрыт истинный смысл его собственных пророчеств»^{*****}.

И не случайно, что именно в «эпоху русских революций» возникла потребность определения социал-демократического отношения к Достоевскому. Прежде других его заявил в «Заметках о мещанстве» М. Горький, упрекнувший в 1905 году Достоевского за проповедь смирения, а Л. Толстого за проповедь самосовершенствования и непротивления злу насилием^{6*}. В 1908 году будущий эксперт партии по вопросам культуры А. В. Луначарский упрекал русскую интеллигенцию за «восторги перед Пушкиным», за то, что некие кадетские «культурные силы» в числе прочего «стремились найти своего пророка также и в резко антисоциалистическом Достоевском»^{7*}. От этой оценки рукой

* Марков Е. Романист-психиатр. (По поводу сочинений Достоевского) // Русская речь. 1876. Май. С. 243–275; Июнь. С. 151–206.

** Чиж В. Достоевский как психопатолог. Очерк. М., 1885.

*** Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // Весы. 1906. Февраль. С. 28. 7–45. Март. С. 19–47.

**** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 17. М., 1968. С. 206–213.

***** Мережковский Д. С. Пророк русской революции... С. 28.

^{6*} Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 352–356.

^{7*} Луначарский А. В. Собр. соч. М., 1963. Т. 1. С. 392.

подать до известного ленинского эпитета 1914 года — «архискверный Достоевский»*, которым, собственно, и исчерпываются прямые и личные отзывы Ленина о Достоевском.

В полной мере «синдром Достоевского» проявлен в горьковском отношении к великому русскому писателю. Протестуя против постановки Художественным театром вслед за «Братьями Карамазовыми» романа «Бесы», Горький объявляет «Бесы» «произведением еще более садическим и болезненным», называет роман «пасквилем» и ставит его в ряд «темных пятен человеконенавистничества на светлом фоне русской литературы»**. Свой претензии к Достоевскому Горький излагал не без хитрого умысла не столько от себя, сколько от имени своих безымянных критиков, но в личном изложении чужих мнений («мнения, высказанные литераторами, слагаются передо мною так»): «Хотя Достоевский и реакционер; хотя он является одним из основоположников “зоологического национализма”, который ныне душит нас, хотя он — хулиатель Грановского, Белинского и враг вообще “Запада”, трудами и духом которого мы живем по сей день; хотя он — ярый шовинист, антисемит, проповедник терпения и покорности, — но при всем этом его художественный талант так велик, что покрывает все его прегрешения против справедливости, выработанной лучшими вождями человечества с таким мучительным трудом»***. До такой степени поношения Достоевского позже не доходил никто из последователей Горького.

Горький не любил Достоевского, в чем сам не раз признавался, например: «невыносимая фигура для меня»****, «не люблю этого человека»***** и т.д. Формулу Михайловского «жестокий талант» он заменил своей: «гений, но это злой гений наш»^{6*}. (Ср. ранний вариант этой формулы в письмах Горького И. Сургучеву 19–20 декабря 1911 года^{7*} и Л. Андрееву в конце 1911 — в начале 1912 г.^{8*} «злой наш гений Федор Достоевский».)

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 48. М., 1970. С. 295.

** Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 146.

*** Там же. С. 151–152.

**** Архив А. М. Горького. Т. XII. М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. С. 209.

***** Архив А. М. Горького. Т. XIV. М. Горький. Неизданная переписка. М., 1976. С. 411.

^{6*} Горький М. Собр. соч. Т. 24. С. 147.

^{7*} Архив А. М. Горького. Т. VII. А. М. Горький. Письма к писателям и И. П. Ладыжникову. М., 1959. С. 102.

^{8*} Горький М. Материалы и исследования. Т. I. Л., 1934. С. 154. Ответное письмо Л. Андреева Горькому датировано 28 марта 1912 г.

Если верить статьям горьковедов о Достоевском, аннотациям в библиографических указателях, то Горький всю жизнь боролся с «достоевщиной». Вопреки устоявшемуся мнению Горький не причастен к появлению и пользованию этим презрительным словом. То, что он отрицал в наследии Достоевского, Горький называл «карамазовщиной» — и только.

История сомнительного термина «достоевщина» пока не ясна. Он несет на себе печать времени, когда этот тип словообразования стал приемом политического огрубления и оглупления жизни: 1) хлестаковщина, маниловщина, ноздревщина, базаровщина, обломовщина и др.; 2) разинщина, пугачевщина, аракеевщина, хлыстовщина, толстовщина, гапоновщина, зубатовщина, азефовщина, столыпинщина; позже — корниловщина, колчаковщина, деникинщина, махновщина и т.п. Сейчас вряд ли можно с уверенностью сказать, кто придумал «достоевщину». Во всяком случае, самое раннее употребление этого слова я обнаружил в дневнике А. Блока за 17 декабря 1911 года. Этим словом он отметил свой разговор до пяти часов утра с юристом и историком Д. Кузьминым-Караваевым: «Злой, тяжелый, достоевщина»*. Подчеркиваю, что это сказано о себе и своем собеседнике, что запись для себя и дальше слово не пошло. Другое раннее употребление этого слова в весьма знаменательном контексте я нашел в письме журналиста и беллетриста А. М. Амфитеатрова М. Горькому от 17 января 1913 года — в этом письме был дан отзыв А. Амфитеатрова о романе В. Винниченко «На весах жизни»: «Преувеличений и желания стоять в романтической позе — тоже слишком много, равно как и *достоевщины* и *андреевщины*»** (выделено мной. — В. З.). Не «везло» Винниченко на частные отзывы читателей. Именно о следующем его романе «Заветы отцов» Ленин писал И. Арманд в июне 1914 года, что это «архискверное подражание архискверному Достоевскому»***.

Итак, Горький знал это слово, но не воспользовался им, в отличие от горьковедов. Уже в десятые годы слово было на слуху, но в критический обиход не шло — рождалось и умирало почти сразу, не выходя за страницы писем и дневников. Примечательно, что слово не вошло в обиход даже во время скандала в связи с протестом М. Горького осенью 1913 года против постановки «Бесов» Московским художественным театром. Так, спорили о «карамазовщине», говорили даже о «мережковщине» (Д. Тальников)****, но до «достоевщины» дело не дошло.

* Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. VIII. С. 102.

** Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 425.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 48. С. 295.

**** Тальников Д. Бесовское наваждение // Современный мир. 1913. № 11. С. 209.

И все же, если нельзя определенно сказать, кто придумал слово, то «заслуга» введения этого термина в критический оборот безусловно принадлежит А. В. Луначарскому — в двадцатые годы он активно использовал это понятие в своих выступлениях и статьях о Достоевском, имевших нередко директивный характер.

В 1921 году советская Россия широко отмечала первый литературный юбилей — столетие со дня рождения Достоевского. Во время этих торжеств появился ряд статей, которые уже своими заглавиями вносили диссонанс в общий хор похвальных слов: «Мучительный юбилей» (А. Никифоров), «Памяти великого врага» (В. Рожицын), «Особое мнение» (Ю. Айхенвальд), «Как же относиться к Достоевскому?» (Н. Фатов)*. Примечательны суждения известного литературного критика Ю. Айхенвальда, высланного вскоре из СССР по печально известному декрету 1922 года. Назвав юбилей «неуместным и незаконным чествованием», Ю. Айхенвальд категорично заявил «определенно и прямо, что нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути, что нашей республике не подобает славить годовщину его рождения и что необходимо сделать выбор между Достоевским и ею, республикой этой»**. По иронии судьбы именно так некие государственные инстанции распорядились с самим Ю. Айхенвальдом.

Справедливости ради следует сказать, что это «особое мнение» было выражением давнего «синдрома Достоевского» у критика, писавшего еще в годы первой русской революции, что современность развивается «под черным знаком Достоевского», что «именно революцию, немолчную тревогу и смуту, душевный хаос считает он нашей первичной природой», что совпадают «стихия творца “Бесов”» и современное состояние человека***, что «может быть, это — единственный писатель, которого хочется и можно ненавидеть, которого боишься, как привидения. Это — писатель-дьявол»****.

Впрочем, отдадим должное — и в «Особом мнении» можно найти пронизательные и экспрессивные суждения критика о Достоевском.

* Никифоров А. Мучительный юбилей. (К 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского) // Вестник просвещения ТАССР. (Казань). 1921. № 6–7. С. 5–11; Рожицын В. Ф. М. Достоевский. (К 100-летию со дня рождения). Памяти великого врага // Коммунист. (Харьков). 1921, 12 ноября. Айхенвальд Ю. Особое мнение. К 100-летию рождения Ф. М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 1–2. Фатов Н. Н. Как же относиться к Достоевскому? // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 10.

** Айхенвальд Ю. Особое мнение. С. 2.

*** Айхенвальд Ю. Литературные заметки. (По поводу нового издания сочинений Достоевского) // Русская мысль. 1907. № IX. С. 163.

**** Там же. С. 169.

Вот одно: «Создатель “Бесов” — живой, одушевленный эпиграф к теперешней кровавой летописи; мы ныне как бы перечитываем, действительно и страдальчески перечитываем этот роман, претворившийся в действительность, мы его сызнава вместе с автором сочиняем; мы видим сон, исполнившийся наяву, и удивляемся ясновидению и предчувствиям болезненного сновидца. Как некий колдун, Достоевский наворожил России революцию» *. Конечно, и здесь критик не удержался — «заворожил». Ну а что до провокационного заявления в «особом мнении» — оно вернулось автору и ударило по его судьбе.

И все же вплоть до двадцатых годов эти мнения («наш де Сад», «жестокий талант», «злой гений», «антисоциалистический», «архискверный Достоевский») были хотя и характерным, но частным мнением, иногда партийной, но еще не государственной позицией. Начиная с 20-х годов эти авторитетные «особые мнения» уже определяли государственную политику в ее своеобразном и болезненном отношении к Достоевскому. Она выражалась в официальной точке зрения, сформулированной в статьях первого и второго изданий Большой Советской Энциклопедии, в выступлениях и статьях А. Луначарского, в канонизации дореволюционных оценок Достоевского М. Горьким, в отношении к Достоевскому советских писателей «горьковского призыва», в учиненном на первом съезде советских писателей «суде над Достоевским», в оценках писателя в ходе различных политических кампаний 30–50-х годов и т. п.

А. Луначарский относил Достоевского и Толстого к «чуждым нам классам» и утверждал, что «они являются враждебными, противными нам силами» **. В своей программной статье о Достоевском он отводил писателю лишь историческое значение: «...если мы должны учиться по Достоевскому, то никак нам нельзя учиться у Достоевского. Нельзя сочувствовать его переживаниям, нельзя подражать его манере. Тот, кто поступает так, то есть кто учится у Достоевского, не может явиться пособником строительства, он — выразитель отсталой, разлагающейся общественной среды» ***. Совет наркома просвещения звучит как предписание санитарного врача: «Для нового человека, рожденного революцией и способствующего ее победе, пожалуй, почти неприлично не знать такого великана, как Достоевский, но было бы совсем стыдно и, так сказать, общественно негигиенично попасть под его влияние» ****.

* Айхенвальд Ю. Особое мнение. С. 1.

** Луначарский А. В. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 8. С. 58.

*** Луначарский А. В. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1963. С. 195.

**** Там же.

В роли прокурора в суде над Достоевским на первом съезде советских писателей выступил М. Горький. Обозначив влияние русских писателей на литературу Запада, Горький связал Достоевского с Ницше, «идеи коего легли в основание изуверской проповеди и практики фашизма», упрекнул за то, что в «Записках из подполья» автор дал «тип эгоцентриста, тип социального дегенерата», в других произведениях оправдывал «зверя в человеке», а в конце концов поставил ему в вину несколько вырванных из контекста фраз, заключив: «Гениальность Достоевского неоспорима, по силе изобразительности его талант равен, может быть, только Шекспиру. Но как личность, как “судью мира и людей” его очень легко представить в роли средневекового инквизитора»*. Горький — художник, и его эстетический такт в отношении к слову знаменателен и красноречив. Признав в 1924 году «мировоззрение» Великого инквизитора «социалистическим» («Ответы журналисту»)** , Горький низводит Достоевского уже только до «средневекового инквизитора»***.

Обвинения Горького были поддержаны другими ораторами. Уже прошедший социалистическую «перековку» В. Шкловский заявил: «Я сегодня чувствую, как разгорается съезд, и, я думаю, мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества (? — В. З.), как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира. Федора Михайловича Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника»****. С еще большим подозрением задала свой риторический вопрос писательница В. Герасимова: «Но разве не являются идеи таких титанов, как Толстой, Достоевский, Ницше, теми высочайшими Гималаями идей старого мира, с которых в наши дни мутными ручьями стекают идеи фашизма и пацифизма?»***** Дальше этой обозначенной враждебности к Достоевскому идти было уже некуда, но оказалось, и это не предел.

В январе 1935 года один из «часовых» советской литературы Д. Заславский выступил в «Правде» против издания реакционного романа «Бесы»^{6*}. Горький заступился за издательство «Academia», протестуя

* Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. Репринтное воспроизведение издания: М., 1990. С. 11.

** Архив А. М. Горького. Т. XII. М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. С. 114.

*** Первый всесоюзный съезд советских писателей. С. 11.

**** Там же. С. 154.

***** Там же. С. 262.

^{6*} Заславский Д. Литературная гниль. Заметки читателя // Правда. 1935, 20 января.

«против превращения легальной литературы в нелегальную»*. То, как возразил ему Д. Заславский, предвещало уже не политический процесс, а ГУЛАГ: нужна бдительность в том, «что и как читает наша молодежь»; опасно «представлять классовому врагу трибуну печатного слова, хотя бы и под не весьма надежным конвоем “Литературной газеты”»**. А вот с какой политической истерией тот же автор задал тон кампании «против идеализации реакционных взглядов Достоевского» в газете «Культура и жизнь»: «Достоевский — духовный отец двурушничества. Не удивительно, что реакционные стороны его творчества были одним из источников, питавших двурушников и предателей. Вся зарубежная реакция, все проповедники упадничества, разложения, политической мертвечины, все мистики разных толков в реакционных страницах Достоевского ищут и находят оправдание для своей подлой работы, предательства и провокации»***. Вывод: «Нет ничего вреднее желания навести розовый глянец на реакционный облик Достоевского. Его мировоззрение глубоко враждебно марксизму-ленинизму, социалистической демократии, отличительной чертой которых является оптимизм, вера в человека-труженика, человека-мыслителя, человека-творца»****.

Продолжая эту кампанию, В. В. Ермилов утверждал, что «Достоевский и в наши дни оказывается в авангарде реакции», что «он клеветал на все передовое, честное, революционное», и заключал: «...в целом влияние Достоевского вредно для развития мировой прогрессивной литературы. Это влияние принижает человека, уводит от борьбы за светлое будущее человечества, за победу человеческого разума, человеческой воли к свободе и счастью»*****.

И это идеологическое шаманство не пустые слова. За ними следовали «оргвыводы» в издательской практике и научных исследованиях: с 1935 по 1955 годы не переиздавались многие произведения Достоевского, среди переиздававшихся особой благосклонностью пользовались удостоенные внимания Белинского и Добролюбова «Бедные люди» и «Униженные и оскорбленные», с 1949 по 1955 годы из научных публикаций исчезли специальные исследования о Достоевском — как

* Горький М. Об издании романа «Бесы». Заметки читателя // Правда. 1935. 24 января.

** Заславский Д. По поводу замечаний М. Горького. Заметки читателя // Правда. 1935. 25 января.

*** Заславский Д. Против идеализации реакционных взглядов Достоевского // Культура и жизнь. 1947. 20 декабря.

**** Там же.

***** Ермилов В. В. Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве. М., 1948. С. 4, 13, 18.

результат идеологической переработки монографий А. Долинина и В. Кирпотина, некстати вышедших в 1947 году.

Эти идеологические установки долгое время определяли условия изучения творчества Достоевского*. И хотя несколько поколений советских литературоведов потратили немало усилий, чтобы расчислить эти идеологические завалы на путях изучения Достоевского, все же задним числом следует признать правоту тех, кто занимался политическим надзором за нашей литературой и литературоведением: Достоевский на самом деле несовместим с марксизмом-ленинизмом, он антисоциалистичен и тем более антикоммунистичен, и «синдром Достоевского» — лишь следствие болезненного отторжения, выталкивания Достоевского из советской культуры и «массового сознания».

Причины очевидны: социальная практика строительства «нового общества» в нашей стране была несовместима с христианской этикой и идеями Достоевского. Иван Карамазов отказывался от своего билета в «светлое будущее» и «мировой гармонии», если в основании этого здания всеобщего счастья упадет хотя бы одна «слезинка» замученного ребенка, а за наш политический эксперимент мы заплатили не только слезами, но и кровью многих миллионов людей. Как в этой ситуации относиться к Достоевскому? Признать его правоту? Легче объявить это «абстрактным гуманизмом», а самого автора «злым гением», сомнительным классиком, «архискверным Достоевским». Но столь же очевидно, что ни отторгнуть, ни тем более похоронить Достоевского в нашей культуре не удалось, как, впрочем, до сих пор не удается и исцелиться от «синдрома Достоевского».

Формы его проявления разнообразны.

Это и рецидивы прежней школьной концепции творчества Достоевского, по которой писатель — всего лишь защитник «бедных людей», «униженных и оскорбленных», обличавший «мерзости жизни».

Это и многочисленные, непреходящие и сегодня рассуждения о «достоевщине». Чего стоит, например, аллилуйя «достоевщине», вдохновенно пропетая Ю. Карякиным: «Достоевский и сегодня помогает будить их совесть, но Достоевский же содействует появлению истериков и ренегатов: в нем есть нечто такое, что притупляет социальную остроту его произведений, что не возвышает, а принижает человека и что является ныне, как никогда, опасным, — “достоевщина”. <...> Его метко называли то жестоким талантом, то злым гением. Вера в человека и полнейшее его развенчание; бунт и смирение; стремление

* Обстоятельный анализ политического отношения советской власти к Достоевскому дан в кн.: Seduro, V. *Dostoyevski in Russian Literary Criticism 1846–1956*. New York, 1957. Seduro, V. *Dostoyevski's image in Russia today*. Belmont, Mass., 1975.

немедленно, сию секунду помочь чем-то народу, а вместо этого — откладывание помощи до второго пришествия Христа; использование истины социализма (т.е. прежде всего его критики капиталистического строя) и одновременно — повторение буржуазной и царистской лжи о социализме как “повсеместном грабеже”; благородные призывы к братству всех народов и отвратительная проповедь шовинизма, противопоставление России, Востока — Западу, плюс религиозная нетерпимость; христианство — то как антитеза социализму, то как его осуществление (своеобразный христианский социализм); мечта о достижении рая на земле и апокалипсические видения; церковник и атеист; человек “со святым и преступным ликом” (Т. Манн); “натура о двух безднах” — таков действительный Достоевский. Правда и ложь здесь не механически сосуществуют, а именно спутаны, слиты, сплавлены»*. А вот и вывод: «“Достоевщина” — это не само внимание к миру “двойника”, “подпольного человека”, “мерзавца”. Дело здесь не в объекте изучения, а в его *понимании*, в его *оценке*. “Достоевщина” — это культ страдания, наслаждение им, это юродство, лживая мысль о том, что все люди — “из подполья”, что все они, если покопаться, — “дрянь”, это — смакование уродства и подлости, это — больная совесть человека, утешающегося тем, что якобы вообще нет людей с чистой совестью, это — ковыряние ран и посыпание их солью вместо излечения, это — *болезненная* тяга к изображению больных сторон жизни. “Достоевщина” у Достоевского проявляется так же, как психическая болезнь у психиатра»**.

Конечно, сейчас Ю. Карякин остерегся бы этих слов и вряд ли написал, как тогда: «Разве “Майн кампф” не вариант записок “человека из подполья”? Разве Освенцим не реализация его идеалов?»*** — хотя свою книгу «Достоевский и канун XXI века» он начал с того, что объявил работу над этой статьей о Достоевском «одним из самых счастливых воспоминаний»****, а по поводу «достоевщины» сказал, что испытывает один из «пунктов беспокойства», «стыднее всех, и даже (? — В. З.) до сих пор»*****, но «беспокойство» — явно не то слово. Стоит лишь добавить, что эта незаурядная журналистская статья вошла в «историю» — вскоре стала VIII главой в III томе академической «Истории

* Карякин Ю. Достоевский, антикоммунизм и «достоевщина» // Проблемы мира и социализма. 1963. № 5. С. 40–41.

** Там же. С. 41.

*** Там же. С. 34.

**** Карякин Ю. Достоевский и канун XXI века. М., 1989. С. 13. Этот сюжет повторен в мемуарной книге автора: Карякин Ю. Перемена убеждений. М., 2007. С. 48; ср. 46–48.

***** Там же. С. 15.

философии в СССР» *, что, впрочем, характеризовало уровень этого труда, но не изучение философии Достоевского.

Это и попытка Б. Бурсова придать оценочному термину приличный вид: «“Достоевщина” стала у нас почти бранным словом, а между тем какой же это Достоевский без “достоевщины”?» ** Это и его скандальное провозглашение Достоевского «опасным гением» и страховская концепция его книги «Личность Достоевского» (1969–1973).

Внедренный в политическое сознание читателей «синдром Достоевского» вызвал известное «письмо полковников» в ЦК КПСС, задержал выход ряда томов и изменил план Полного собрания сочинений писателя.

Это и идеологическое подведение итогов «года Достоевского» на страницах «Правды» в конце 1981 года, а из последних советских приступов этой болезни можно назвать отповедь И. Волгину за его интервью в «Аргументах и фактах» (1990, № 25; ср. № 38)***.

Примерам «несть числа», и любой из приведенных и неприведенных в конечном счете случаев****.

Конечно, «синдром Достоевского» — по преимуществу политическая болезнь нашего общества, но не следует упрощать проблему и сводить ее только к политическим аспектам. Гораздо интереснее эстетическое выражение нелюбви к Достоевскому, которая значительно глубже уко-

* *Карякин Ю. Ф.* Ф. М. Достоевский // История философии в СССР. М., 1968. Т. 3. С. 342–362.

** *Бурсов Б.* Личность Достоевского. Роман-исследование. Л., 1979. С. 21.

*** *Морозова Н., Шлеева В.* Вариации на пулеметную тему // Правда. 1990. 11 августа.

**** Одно из характерных проявлений «синдрома Достоевского» в постсоветской России — эпизод из интервью А. Чубайса корреспонденту Financial Times в Москве Аркадию Островскому, который задал вопрос, «не кажется ли ему (Чубайсу. — В. З.), что для России, с ее укоренившимся в народе презрением к богатым и верой в моральное превосходство бедноты капитализм не подходит», и вместо ответа на прямой вопрос тот разразился немотивированной бранью в адрес Достоевского: «Знаете, за последние три месяца я перечитал всего Достоевского, и теперь к этому человеку я не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Он несомненно гений, но, когда в книгах я вижу его мысли о том, что русский народ — народ особый, богоизбранный, когда я читаю о страданиях, которые он возводит в ранг культа, и о том, что он предлагает человеку выбор между неправильным и кажущимся, мне хочется порвать его в куски». — Анатолий Чубайс — отец русских олигархов. Аркадий Островский, 15 ноября 2004. Английский текст публикации: «You know, I've re-read all of Dostoevsky over the past three months. And I feel nothing but almost physical hatred for the man. He is certainly a genius, but his idea of Russians as special, holy people, his cult of suffering and the false choices he presents make me want to tear him to pieces» (Father to the Oligarchs By Arkady Ostrovsky // The Financial Times. 2004. November 13. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/8fe3b5c2-3518-11d9-978c-00000e2511c8.html?nlick_check=1)

ренилась в современном общественном сознании и у нас, и на Западе. И редко это «головная» болезнь. Эстетическое неприятие изначально для многих (если не всех) хулителей гения, и их политические наветы — как правило, лишь производное нелюбви и ее «оправдание».

Эстетическое неприятие Достоевского зачастую имеет и ярко выраженный гносеологический аспект: не нравится, потому что не понимают (впрочем, субъективно это может выглядеть и так: не нравится то, что не понимают).

Вот, к примеру, нетипичные «головные» и многословные «Тезисы против Достоевского» Г. Ландау. Их немного, хотя комментарий к ним пространен. Первый тезис: «Судьба человека и человечества, пребывающего во зле и страданиях», — основополагающая тема творчества Достоевского, но «не единственная, не исчерпывающая тема человеческой судьбы»*. Второй: идея творчества чужда Достоевскому**. Третий: «Максимализм Достоевского одинаково отрицает и цивилизацию, и культуру»***. Следующий вердикт: «Он Бога не видит; Бог для него смутный вывод из смутной максимальной требовательности»****. Далее: Достоевский «не видит и самой полноты человеческого зла и страданий»*****; «почувствовав неизгладимость страданий и зла — Достоевский не почувствовал неизгладимости радости и добра, их самозаконности»^{6*}. Вывод: «Судьба человека, его трагедия и поиски разрешения остались искаженными в творчестве Достоевского. Гипнотизирующая сила его взвинченного и одностороннего гения превращает эту искаженность в великую духовную опасность»^{7*}. На этом сомнительном постулате Г. Ландау поставил точку.

Для того чтобы так опровергать Достоевского, нужно не читать или не воспринимать прочитанное. За этими претензиями нет Достоевского, его слова и творчества, а есть «бой» критика «с собственной тенью» — полемическое опровержение собственных представлений. Разве Достоевский пристрастен лишь к злу и страданиям? чужд радости и добру? искажил «судьбу человека, его трагедию»? чужд идее творчества? антикультурен? Чтобы раскрыть несостоятельность этих безапелляционных суждений, достаточно лишь изменить их тон с утвердительного на вопросительный.

* Ландау Г. Тезисы против Достоевского // Числа. 1932. Кн. 6. С. 145, 146.

** Там же. С. 149; ср. с. 146–150.

*** Там же. С. 153.

**** Там же. С. 159.

***** Там же.

^{6*} Там же. С. 163.

^{7*} Там же.

Впрочем, беспочвенность голословных обвинений Достоевского иногда пытаются прикрыть риторическими вопросами, как это сделал в свое время Ю. Айхенвальд: «Разве можно так нецеломудренно выворачивать чью бы то ни было душу? И в том, кто, не щадя стыда и наготы своего брата, осмеливается на это, разве можно провести границу между его любовью и его злобой? И вообще, простит ли человечество Достоевскому то, что он так осквернил человека?..»* За этим нагнетанием риторических фигур ровным счетом ничего не стоит, кроме скрытого голословного утверждения, что Достоевский «осквернил человека».

Антипатия к Достоевскому может выражаться по-разному. Если для одних Достоевский только «плохой» писатель, то другие охотно верят сплетням, что Достоевский — «плохой» человек, третьим неприятны герои Достоевского, в которых до сих пор ищут лицо автора, хотя давно известно, что автор и его герои в художественном мире Достоевского не одно и то же, а разные субъекты текста.

Один из уникальных образчиков эстетической брезгливости пассаж о Достоевском в «Лекциях о русской литературе» В. Набокова, для которого Достоевский «отнюдь не великий писатель, а довольно посредственный», «банальностями» которого могут восхищаться лишь «средние читатели». Так, Набоков считает «низкопробным литературным трюком», когда в «Преступлении и наказании» убийца и блудница читают Священное Писание. Упрекая героев Достоевского за патологичность, Набоков вполне по-горьковски защищает «нормального» человека (ср. у Горького: «...человек — не “дикое и злое животное” и он гораздо проще, милее, чем его выдумывают российские мудрецы»**)***.

Горьковская концепция Достоевского отозвалась и в «ошибочном», по оценке И. Бродского, суждения чешского драматурга Милана Кундеры о Достоевском. Эта примечательная полемика на литературные и политические темы «августа 1968 года» произошла в 1985 году на страницах «The New York Times Book Review»****.

В заметках «О “карамазовщине”» М. Горький писал о Достоевском: «Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изо-

* Айхенвальд Ю. Литературные заметки. (По поводу нового издания сочинений Достоевского). С. 170.

** Горький М. Собр. соч. Т. 24. С. 155.

*** Набоков В. Федор Достоевский. Из лекций о русской литературе // Литературная газета. 1990. № 36. V. Nabokov, *Lectures on Russian Literature*, edited with an Introduction by Fredson Bowers (San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich: 1981), p. 98.

**** Brodsky J. Why Milan Kundera is wrong about Dostoyevsky // The New York Times Book Review. 1985. February. 17. P. 31, 33–34.

бразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжелой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и — противоположность ее — мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства однако рисуясь им пред всеми и пред самим собою»*.

М. Кундера придерживается иных политических взглядов, чем М. Горький, но тем не менее явно усвоил горьковское понимание русского человека, вина в этом Достоевского. Так, объясняя, почему после оккупации Чехословакии в 1968 году он отказался сделать инсценировку романа «Идиот», М. Кундера вспомнил обыск на дороге, во время которого советский офицер, задав ему вопрос: «Как вы себя чувствуете?» — стал объясняться в любви к чехам. М. Кундера увидел в этом факте характерное проявление одной из загадок «русской души» — садической любви из мучительства, якобы известной ему из Достоевского. Что ж, если не различать автора и его героев, легко запутаться в творчестве Достоевского, но Достоевский здесь ни при чем. За этими и подобными уличениями нет правды, но такое восприятие Достоевского давно стало общим местом для тех, кто о литературе и искусстве судит с чужих слов, кто доверяет авторитетным толкователям, а не самому писателю.

Эстетическое неприятие Достоевского может быть вызвано не только неразличением автора и его героев, но и своеобразным и довольно распространенным отношением к литературе как к «нелитературе», а именно к жизни; писателя упрекают за то, что не нравится в самой действительности, а литературных героев примеряют на себя или видят в них негаданных соседей или случайных знакомых, с которыми неприятно встретиться на светском рауте, оказаться в одной компании, жить в коммуналке или студенческом общежитии, лучше не идти в разведку и т.д. Так, Н. Михайловский упрекал Достоевского за то, что в его произведениях есть волки и овцы, и волк ест овцу — палачи мучают свои жертвы**. Ю. Айхенвальд признавался, что Достоевского «трудно читать, как трудно жить»***.

Достоевский чужд тем, кто в искусстве отрицает то, что не нравится в жизни. Это принципиальное расхождение. Достоевский гневался на Тургенева за его очерк «Казнь Тропмана»: «...меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему он все конфузится и твердит что не имел права тут быть? Да, конечно, если только на спектакль

* Горький М. Собрание сочинений. Т. 24. С. 147.

** Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. С. 186–187.

*** Айхенвальд Ю. Литературные заметки. (По поводу нового издания сочинений Достоевского). С. 169.

пришел; но человек, на поверхности земной, не имеет права отвергаться и игнорировать то, что происходит на земле и есть высшие нравственные причины на то»*.

Давно известно, что Достоевский вошел в мировую литературу с новым словом о мире и человеке. Это слово диалогично. Оно всегда учитывает «чужое слово» другого и обращено к читателю. Оно лишено авторитета «всеведения» и не исчерпывает сложности, полноты и глубины явлений. Автор сознательно выговаривает себе у читателя право «угадывать и... ошибаться». Кому из современных и живших писателей нужно это право? Какой писатель доверит сегодня свое заветное слово неавторитетному герою? У Достоевского это привилегия не только авторитетных и умных, но и неблагообразных и глупых. У него принципиально невозможны глупцы (именно «глупцы» — не говорю «дураки»: дурак в русской сказке подчас умнее умного, русский дурак всегда себе на уме). Шекспир доверил мудрое знание жизни шутам, но их высокая интеллектуальная репутация была освящена народной и средневековой традицией. У Достоевского возникла иная этическая ситуация: у него солгавший может сказать и говорит правду, «глупый» — умное слово, подлец тоскует о совести, циник — об идеале, грешник — о святости. Человек Достоевского сложен и глубок. В его душе «все противоречия вместе живут», «Бог с дьяволом борются», сошлись «идеал Мадонны» и «идеал содомский», но все Лица его героев проступают, как на рембрандтовских портретах, — из «тьмы» при свете совести.

Герой Достоевского нередко неведом самому себе, непредсказуем не только для читателя, но подчас и для автора. У него всегда есть заветное «вдруг» — неожиданный «переворот» во мнениях и поступках, «перерождение убеждений» — преображение личности.

Идея преображения — одна из глубоких христианских идей. В жизни Христа, как поведали о том евангелисты Матфей, Марк и Лука, был знаменательный день накануне последнего исхода в Иерусалим — ныне это двенадесятый праздник, «шестое августа по-старому, Преображение Господне». В этот день «взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 7: 1–2). «Сын Человеческий» признал себя «Сыном Бога Живаго».

В библиотеке Достоевского был перевод книги Фомы Кемпийского «Подражание Христу», изданный с предисловием и примечаниями переводчика К. Победоносцева в 1869 году. Заглавие книги раскрывает одну из краеугольных заповедей христианства: каждый может

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 16. Кн. 1. М., 2005. С. 30.

повторить искупительный путь Христа, каждый может изменить свой образ — преобразиться, каждому может открыться его божественная и человеческая сущность. И у Достоевского воскресают «мертвые души», но умирает «бессмертная», забывшая Бога душа. В его произведениях может воскреснуть «великий грешник», но не исправился бы «настоящий подпольный», чья исповедь не разрешается «перерождением убеждений» — покаянием и искуплением.

Есть разные ответы на извечный русский вопрос, кто виноват. Один из ответов подкреплен высоким авторитетом Л. Н. Толстого: «Нет в мире виноватых». Это толстовская претензия Богу: люди не виноваты в мировом зле, начала и концы вины давно потеряны, надо всем друг друга простить и начать все снова. Прощали, начинали, но все снова возвращалось на «круги своя». Другой ответ — виноват некто: плохой человек, помещик, заводчик, царь, класс, революционеры, партаппарат, президент, демократы и т. д. За этим ответом всегда стоит кровь — дурная бесконечность насилия.

Ответ Достоевского — виноваты все. У каждого своя мера вины. Одни виноваты в том, что сделали, другие — в том, что не сделали. Кажущаяся невинность лишь иллюзия: каждый в ответе за мировое зло. Именно на этом пути возможно духовное воскрешение любого (подчеркиваю: любого) человека и спасение человечества. Этот искупительный путь — метафора спасительной жертвы Христа и его воскрешения.

Достоевский давно назван пророком, но сегодня в нем нередко видят некоего Нострадамуса XIX века: он изрек — и вот сбылось. Пророческий дар Достоевского иного рода — без шарлатанства прорицателей, астрологов, хиромантов и прочих. Его пророчество — откровение истины, откровение, которое составило смысл его творчества и которое до сих пор не узнано и не признано.

Истина Достоевского — идея христианского преображения человека и России, духовное преображение мира. И это не творческое умозрение, а жизненное убеждение писателя.

У Достоевского было свое Преображение — «перерождение убеждений»: Семеновский плац, Мертвый дом, «воскрешение из мертвых». По выходе из каторги он так раскрыл свой «символ веры»: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной»*. Это парадокс, но в его основе лежит убеждение, что истина в Христе.

* *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 15. Кн. 1. М., 2004. С. 122.

Именно такой Достоевский по-прежнему чужд тем, кто в литературе развлечения или большевистского примера «делать жизнь с кого». Сейчас ослабла актуальность политического неприятия, но остаются гносеологические, идейные и эстетические причины отрицания Достоевского. Уже самим фактом своего существования в мировой литературе Достоевский ставит под сомнение смысл творчества многих писателей. Многие ли из них могут быть писателями *после Достоевского*? И многие ли *простят* ему это?

Синдром Достоевского одинаково свойствен сейчас и противникам, и иным поклонникам писателя. Некогда «достоевщина» была неприглядной характеристикой писателя, но то, за что одни ругали его, другие неумолимо хвалят, подменяя творчество критическим мифом о Достоевском. Было бы наивно предполагать, что в обозримом будущем можно исцелиться от «синдрома Достоевского». Проходит политическая болезнь, но глубоки и подчас иррациональны причины эстетического неприятия. И все же от этой странной болезни есть верное и целительное лекарство — слово самого Достоевского, его художественное, публицистическое и эпистолярное наследство.

На могиле Достоевского в Александро-Невской лавре высечен эпиграф из «Братьев Карамазовых» — известная цитата из Евангелия от Иоанна о смерти и воскрешении зерна. В романе эти слова стали метафорой воскрешения «мертвых душ» и христианского преображения Карамазовых — Алеши (глава «Кана Галилейская») и Мити (глава «Дитё»). Высеченные на памятнике, они стали прологом будущего бессмертия писателя, и Достоевский жив в бесчисленных читательских воскрешениях его слова. И тут бессильны любые «синдромы». Он жив и сегодня, сейчас — он наш современник и наш собеседник, и мы — его ученики.

